

МАЙ 1945 г.

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...

Мир настал – сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.

Реет выше синевы
Знамя то – нетленное!
И бредут по мостовым
Те – военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили – как всегда! –
Ватники и валенки.

ДУША

Над бездной космоса – могила,
Крестом надёжно заземлённая...
Душа на Землю приходила –
Ушла больная, изумлённая.
В коре оставив оболочку,
В астрале зябнет обнажённая...
На голубую эту точку
Глядит, глядит, заморожённая.
Лениво вертится планета –
Такая тёплая, атласная.
А никому там счастья нету,
А всё мгновенное, напрасное...

1812 ГОД

Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковылях.

Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой; лесной кукушки
Сонный счёт... А где-то там –

...разноцветным ручейком,
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамёна и иконы
Мимо пушкинских окон...

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

Раздвинув столб
вселенского пространства,
Вознёсшись выше всяких облаков,
Стоит оно – могуче и прекрасно! –
И ствол окован кольцами веков.

В ветвях его гнездятся только звёзды,
Хоть проросло из зёрнышка-Земли...
Молчит оно.

Его молчаньем грозным
Пропитаны ветра и ковыли...

В тени его незримой млеют дали...
И – как напоминанье о Суде –
В корнях лежат замшелые скрижали
И Книга человеческих судеб.

ВЕЧНАЯ МЕДСЕСТРА

В тот безымянный час войны,
Пшеничной копотью пропахший,
В своих деяньях не вольны –
Как две взбесившихся волны –
Схлестнулись люди в рукопашной.

Такая выпала судьба
Им – сотне потных и здоровых...
Задохлась в топоте стрельба,
И хряск сырой смешался с рёвом!
Лопаткой,

пулей,

кулаком,

Зубами,

лезвием,

прикладом!..

Фашист, пропоротый штыком,
Блевал, согнувшись, и не падал...

Тускнела кровь в пыли утра,

Земля избитая дрожала,

И медицинская сестра,

Объята ужасом, бежала...

Хватая воздух чёрным ртом,

Кричала в страхе и обиде,

В семнадцать лет увидев то,

Что человек не должен видеть.

Она бежала,

по стерне

Порастеряв бинты и вату...

Так и осталась в той войне –

Худой, безумной и косматой.

Один лишь бой.

Но той поры

Ей на века уже хватило,

И к званию вечной медсестры

Она себя приговорила.

...Десятки вёсен позади.

Июнь за форточкой бунтует!

В палате женщина сидит,

Всё куклам головы

Бинтует...

* * *

Ангел летал над морем,

Над скалами, полем, лесом.

Смертное видел горе

За дымовой завесой.

Спешка везде, засовы,

Злые повсюду лица...

Некому молвить слово.

Некуда приземлиться.

СУДЬБА РОССИИ

Вчера, сегодня и всегда:

Делясь на тесные колонны,

Текут в историю года,

И всё – штрафные батальоны...

* * *

О, сколько было б охов, ахов,
Народ простой как был бы рад,
Когда бы яхты олигархов
Поставить в строй, как на парад.

Как на парад, а не для боя,

Собрать на рейде наших вод, –

Вот был бы вид! Они собою

Затмили б весь российский флот!

* * *

Металлургический завод...

С ума порою сводит

Своим размахом!.. Но живёт

Собака на заводе.

Близ храпа доменных печей,

В трубе – куда уж проще! –

Живёт сей пасынок: ничей

И в то же время общий.

Кругом всё лязгает, дрожит,

Но пёс привычно ловок:

Сперва владенья обежит,

Потом трусцой – к столовой.

Хороший, правильный народ –

Рабочие Запсиба.

Тот, смотришь, косточек стряхнёт,

А тот играючи пугнёт –

Что ж, и на том спасибо.

Но вот нашёлся «старший брат»,

Таких всегда узнаешь,

Ругнул кого-то: мол, убрать,

Чтоб духу, понимаешь!..

И кто-то камни поднимал.

Они, свистя, летели.

Пёс трясся и не понимал,

За что избить хотели.

Штанов не рвал, в тепле не жил

И зря не тявкал днями,

Объект исправно сторожил.

И вот за всё – камнями...

ГОЛУБИ

В тёмно-синее небо Сибири,
Прямо к звёздам, в седом январе
В дыме фосфорном искры клубились, –
Сельский клуб в эту полночь горел.

Били струи. Шипя, поражали
Над фойе огнедышащий круг...
И на каски горячих пожарных
Стали голуби сыпаться вдруг.
Бились об пол. И лишь единицы
Вылетали на сизый мороз...
Угорелые, пьяные птицы,
Не спасут вас ни ночь, ни Христос!

Молодого, чумного, сырого,
Я в кабину под курткой несу...
Да гори всё! Но, честное слово,
Одного хоть, но точно спасу.

... А в просторах забитой России
Шла война – и не год, и не пять –
Дым клубился и искры носились,
Прожигая до смерти ребят.

А народная слава былая –
Лишь в музеях да в песнях «Любэ»...
Что ж так, матушка, часто пылаешь,
Не жалеешь своих голубей?

Это что ж за напасть вековая:
Золотым генофондом пыля,
Бесконечно ты им засеваешь
И свои, и чужие поля...
А по чьей это тёмной наводке,
Беспросветным враньём загрязнён,
На вражде, на игле да на водке
Кровью пенится твой горизонт?

Встань, родимая, с белых коленей,
Паразитов и пепел стряси,
Приголубь хоть одно поколение,
Хоть одно поколение спаси!

* * *

В наш моторно-удушливый век,
Из желанья опомниться, что ли,
Грезит волею Царь-человек,
Просто волей.

Лошадной, не боле.

Мне бы тоже хотелось пожить
Той далёкой былинною средою,
Чтоб в лучах пламенели Кижы
Там, где мне проходить бороздою...

Я бы сахар колот на столе,
Лез на печь в домотканом исподнем,
Крепко веря, что мы на земле
Только гости по воле господней.
Я б до света вставал на покос
И, царапая буйный затылок,
Долго-долго мусолил вопрос:
Что сподручней – коса или вилы?..
А когда мне набат возвещал,
Что у Пскова какие-то шведы,
Я бы молча топор начищал
И спешил на подмогу соседу...
Так и жил бы, пока не затих
На скамье ли, на бранном ли поле,
И растил бы детишек своих,
Но не ради единственной воли.
Есть повыше дела на земле.
Стоит выплеснуть душу и силы,
Чтобы выстрадать право на хлеб
И на званье кровинки России.

ВОСПОМИНАНИЕ

Не хрипели злые цепняки,
Трубы исходили небесами...
Проходили в шубах мужики,
Весело поскрипывали сани;
Не берёзы – бывшую весну
Волокли задымленные кони...
Подбежать хотелось и лизнуть
Мёрзлые и розовые комли;
Задержать хотелось и спросить:
«А долгонько ль хыкали-рубилы,
Далеко ль по матушке Руси
Светлые полозья наострили?»...
Только что тут спрашивать-гадать.
Повернула белая подвода
Не к далёким чудо-городам –
На пустой хоздвор маслозавода.
Лесорубы выпили сперва
Душу согревающую чарку,
После разгружали деревья –
Ближе к закоптелой кочегарке;
После разводили лошадей –
Каждой по охапке и попоне...
...Помнится как сказка этот день,
А с каким названьем – не припомню.

ВОТ ПРИЕХАЛ

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень –
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен.
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..

Прощемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?
Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе –
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья.
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.
Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас с тобой не будет тут.
Нас совсем не будет.

НА СЛЕПЫХ СКОРОСТЯХ

Дави педаль,
прибавь ещё немного!
Навстречу только ветра перезвон –
Чем дальше даль
и чем прямей дорога,
Тем мягче убаюкивает он.

Ну, вот!.. Дремали руки на руле.
Воробушек, зачем вильнул от стаи? –
Сырой шлепок!.. пушинка на стекле...
Так детство разбивается о старость.

ОЧЕВИДНОЕ – НЕВЕРОЯТНОЕ

Пичуги и жуки в лесу густом,
Грибы, цветы – все добрые соседи.
А вон и пень с отщепом под кустом –
Шикарное сиденье для медведя.

Я с троном пень сравнил от фонаря,
Но вот недавно, помнится, под вечер
Забрёл сюда увидеть глухаря,
Влекомый любопытством человечьим.

Листвой стволы клубились в вышине,
Мошка звенела в чаще полусонной,
Столбы лучей дымилась... А на пне –
Медведь губатый собственной персоной!

Сидит себе и ласково урчит,
Как барин в шубе,
хлопнувший рюмашку:
Сперва, балдея, щепкой побренчит,
Потом, кайфуя, нюхает ромашку...

СТАРОСТЬ

(из средневековья)

Всем известна доля ката:
Фартук, мизерная плата,
Ни доходов, ни долгов,
Ни друзей и ни врагов...

Мрачный замок. Лунный свет.
Ни души в округе нет;
По вершинам стен зубчатых
Ходит стража в медных латах.

Чёрный домик. Тихий плач.
Плачет в домике палач.
Часовой, устав нарушив,
С состраданьем всхлипы слушал...

В первый раз за все года
С палачом стряслась беда:
Отрубил башку монаху
Со второго только маху...

Королевич осерчал –
Завтра рубят палача.

СО ВРЕМЁН ИЕРУСАЛИМА

На осле Он въезжал осиянный...
Чернь, толпа... вот такие они:
В час триумфа кричали: «Осанна!»
Через несколько суток: «Распни!»

После вновь уповают на Бога...
До поры будут обожать,
Кто собой защитит их, убогих,
И обязан любить, улаживать.

Нынче жаждут Спасителя снова.
Во грехах извалялись вконец –
Ждут прощенья... Но так же готовы
Крест срубить и натянуть венец.

Им кровавого зрелища надо...
Совершив свой неправедный суд,
Вновь собьются в покорное стадо –
И опять фарисеи пасут.

ЛЕТНЯЯ КАРТИНКА

По истерзанному лугу
Красный бык ходил по кругу
И ревел под синевой,
Словно крейсер боевой!
Кровь гудела, грудь дышала!..
...Но кольцо в носу мешало.

Цепь серебряная. Кол.
Бык поставлен на прикол.

А в берёзовой сторонке
Грелись пёстрые бурёнки.
Рвал он землю, а подружки
Лишь настраивали ушки,
Ни одна не отвечала.

...Бился крейсер у причала.

* * *

Ночь фиалками дышала.
Мышь мелькала над трубой...
Перемигивались звёзды
И шептались меж собой,
Восхищаясь многоликой,
Вездесущей луной –
В небе шла. Сидела в лужах.
Лезла в каждое окно.
Но особенно старалась
В дом заветный заглянуть,
Чтобы пылким новобрачным
До утра не дать заснуть.

ЧАЙКИ

Самые вредные птицы.
Где юг и где север свинцов, –
Крикливо летают, хватают
Мальков, беззащитных птенцов.

Самые грязные птицы.
Внешней слепя белизной,
Прибрежные скалы марают
Известью из гуано.

Самые верные птицы.
В другие края не летят.
И скалы, и море, и небо
Без чаек быть не хотят.

Чайки... Как на открытке,
Водный простор бирюзов:
Мечутся белые в синем –
Души былых парусов.

* * *

...Сухо. Тучи ещё не ползут серой бандой.
Лист на землю сорвался... а я наступил.
Обними и погрей, лето позднее, бабье!
Вечереет уже в смолкшей лесостепи...

В синий сумрак гляжу, месяц жду из-за леса:
Как он, красный молчун – прямо, косо взойдёт?
Всё тягучее дум дымовая завеса,
Всё слабее часов моей жизни завод.

Мне бы надо успеть хоть в себе разобраться.
Мысли как бы светлы, но тихонько болят;
Остывает желанье всему удивляться,
Будоражить себя и других удивлять.

Предначертан конец нашим всем воспареньям.
Мы когда, почему и над чем вознеслись?
Вот я лист придавил... а ведь это творенье! –
В каждой жилке его божья тайна и смысл.

Не с восторгом весны, а с осенней печалью,
Не с рассветом уже, а с закатом в связи,
Измененья в себе всё острее замечаю
По прошествии лет, по истаяньи зим.

Стал какой-то другой, не бирюк, не повеса,
Мироздания свет не колышет уже...
...Месяц прямо взошёл – ведро не повесишь –
К непогоде приметя; к ненастью в душе.

НА СКАМЕЙКЕ

Осень. Лето съехало со своими песнями...
Нехотя присяду я, запрокину голову, –
Низко так тусуются тучки поднебесные,
Серые и быстрые, как городские голуби.
Обернусь налево я – лучика хотя бы взгляд!
Нет же – супермаркеты, двор с автомобилями.
Справа то же самое... Разлюбил октябрь я,
В октябре расстались мы

с женщиной любимую.

Сонные автобусы ползают по улицам.
Ветер резко в воздухе свистнет, словно саблюю.
Хмурые прохожие на ходу сутулятся,
Только я расселся тут и кажусь расслабленным.

...Бомж возник откуда-то –
и давить на жалость стал.
Сесть не предложил ему, плащ ещё испачкает.
От него лениво я сотней отбойрлся.
Клянчить сигарету стал – откупился пачкою.
Что в судьбе осталось мне –
дождаться старости?
Или сразу в клинику типа Склифосовского?

Что-то поддаваться стал
внутренней усталости,
Что-то лезут в голову мысли философские...
Только тщетно сущее чем-то обосновывать.
Что тут философствовать,
спрашивать у вечности?
Жизни волн у берега гасят волны новые,
Новых давят новые –
так до бесконечности...
...Сырость в сквере скверная,
ветки полуголые –
Виды всё пустынное, всё неинтереснее.
Во дворах кучкуются городские голуби,
Серые и скучные, как тучки поднебесные.

* * *

В светлом доме своём,
в день зелёный и ясный,
Подперевшись рукой,
вся в мечтах обо мне,
Ты присядь у окна
Василисой Прекрасной –
Прискачу за тобой на небесном коне!
На ходу подхвачу и умчу, словно ветер,
Осторожно тебя прижимая к себе;
Будет грива ласкать
твои джинсы и свитер –
Улетим, растворимся в единой судьбе!..
Но вмешался в судьбу
непредвиденный случай.
Поспешил я, чудак, обещание дать –
Не учёл, что горда, и запросы покруче!
Видно, даже во сне мне тебя не видеть.
Я стою в стороне, отрешённый и бледный.
Нереально к тебе подкатить, подскать;
Денег нет у меня
на «Роллс-Ройс» или «Бентли»,
Да и просто коня в наши дни не сыскать.

ДЕВИЧИЙ КУСТ

Он снится – то шальной, то молчаливый,
А все тропинки вечность замела...
Не модница черёмуха, а ива
Его на божий свет произвела.
Бесхитростная жрица глухомани,
Простая баба, знала бы она,
Как сын её таинственно-туманен!
Какая сила первенцу дана!
Его листва – для всех вода живая.
Не только те к нему находят путь,
Кто, с детством и мечтой не расставаясь,
Через забвеньё смог перешагнуть.
Он знает всё: куда уходит ветер,
О чём молчат полночные цветы,

И кто есть мы на этом самом свете,
И в чём секрет добра и красоты.
Философ юный! В долгий час заката
Стоит себе в сиреновом дыму...
По тихим росам, по траве не мятой
Придёт однажды девушка к нему.
Она придёт, она придёт, я знаю
И верю, потому что сам люблю.
Веди, судьба, веди меня до края...
А за черту я сам переступлю.

* * *

Глухие дебри. Луч прощальный...
Гниют болота. Дремлют совы.
Там – одинока и печальна,
Людьми забыта, бродит совесть.
Там нет жилья и нет дороги.
Туманы сыро липнут к платью,
Быльё босые режет ноги –
Идёт она и молча плачет.

Стремясь к богатству и успеху,
Её, как дряхлую служанку
И как досадную помеху,
Прогнали прочь... А ей всех жалко.

ВСТРЕЧА

Молодость гуляла, бёдрами качала.
Старость наблюдала, сидя у дороги.
Молодость гуляла и не замечала,
Как туман цеплялся ей за босые ноги...
Выйду на дорогу, молодость решила –
Нарвала цветов я, что мне в поле делать?
Старость у дороги тень свою сушила,
Из-под тёмной шали ласково глядела.

Молодость на старость глянула брезгливо,
Ветхую черницу обходя надменно.
Старость улыбнулась: «Как же ты красива!
Но тебя сгублю я, девка, непременно...».
Встала и вдогонку рукавом махнула –
Зашумели в поле белые бураны,
В сердце ретивое холодом дохнуло...
Всё бы ничего бы, но зачем так рано?

Ну зачем так рано, ну зачем так быстро
Пухом лебединым разлетелись годы,
Горькою морщинкой,
прядью серебристой
Крепко зацепила злая непогода?..
...Молодость другая в голубую кружку
Ягоды сбирала, по цветку гадала...
Молодость былая седенькой старушкой,
Сидя у дороги, девку поджидала.

ФОТОГРАФ ИЮНЯ

В цветном объективе лукавого лета
Так много вмещается звуков и света.
Кукушкина роца,
Просёлок, прохлада,
Ленивая россыпь далёкого стада...
Озимая зыбь –
как душа гармониста –
Желает, чтоб ветры о ней поскучали,
А ближе – осинка в тяжёлом монисто, –
Гляди-ка ты, пава... и тоньше встречали!
Светла на изгибе, как стёршийся лемех,
Река,
вдоль которой по мягкой орбите
Звеня, пронесёт раскалённый «Юпитер»
Двоих невесомых в малиновых шлемах.
Зелёным пространством

в мечты золотые

Летят эти двое, летят, что есть мочи,
Куда вы такие шальные?... А впрочем,
Рискуйте сердцами, пока молодые.
Ромашки навстречу, как царские деньги,
И ласточки воздух собой засорили,
И звону бездонному рады-раденьки
Антенны мелькнувшей вдали
деревеньки!

...А по небу туча на юг волочилась.
И всюду, где тень её цветом владела,
Весёлая местность на миг становилась
Любительским снимком,
Уже чёрно-белым.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Хорошо-то как на белом свете!
Синий плеск, зелёная прохлада...
Свежая рубашка, стол со свечкой –
Больше ничего-то и не надо.

Эх, какой денёк сегодня выпал!
Всё с утра на радость заводило –
Сердце пело, шелестела липа,
В полдень Муза в гости заходила.
Пел петух – аж, бедный, надрывался!
Пел мой чистый домик деревенский,
Юный ветер в форточки врывался,
И, как птиц, ловил я занавески!..

...Я бродил по воле; травыгнулись...
А потом случайно у ограды
Встретилась, лукаво подмигнула
Женщина, любимая когда-то.
Проплыла... Представилось реально,

Где живёт степная эта Ева:
Прямоком по улице Центральной,
Клуб – направо, а она – налево.

Предложила вспомнить наши встречи?
Да легко... Какие наши годы!
...Вот сижу на лавочке под вечер
И не жду чудеснее погоды.
Вот сижу, блаженный, и мечтаю,
Что и к ночи всё, как в сказке, будет:
В двор слетит Жар-птица золотая
И затмит сияньем прозу будней.

Покормлю с ладони ту цесарку –
Вдруг снесёт яичко золотое.
После – прямоком к воротам Царским!..
Но свернуть налево всё же стоит.

ВО РЖИ

...В ней двое. Он и она.
Странное освещение –
Это светит луна.
Красная от смущения...
Слышится: «Любишь?» – «Да».
Стон, поцелуй жгучие...
Скрыться бы со стыда...
Но нет подходящей тучи.

И вдруг заиграла луна...
Не надо ночной вуали!
Бесстрастна всегда, холодна.
Но эти – разволновали...

Земной возбудил непокой;
истома волной плеснулась –
В ней, одинокой такой,
женщина вдруг проснулась:
Кругла и мила лицом,
прелестна и трепетна телом...
С молодцем из Близнецов
ей тоже в ту рожь хотелось.

К ДЕРЕВНЕ

Встаёшь и спозаранок шаришь спички...
Деревня, ну опять ты, ё-моё,
Укуталась в ненастье, как чумичка,
В осенне-беспросветное хламьё...
Да хватит облачаться по старинке,
И печь топить особой нет нужды.
Ну, что ты по привычке моешь крынки –
Кому они, щербатые, нужны?
Никто не навестит, не приголубит
Забытую в забытом том краю.

Лишь дети городские как бы любят
За пенсию несчастную твою.
В глуши ты и сама почти глухая,
Теряешь ум, по-старчески чудись.
Уж у окна печально не вздыхаешь,
Лишь в никуда невидяще глядишь...
Деревня! Погоди ещё немножко!
Принарядись... Нам нечего терять.
Накроем стол. Я сдую пыль с гармошки –
И с песней!.. Помирать, так помирать.

КАЗАШКЕ

Как ты гонишь коня по беспутью?
Ведь угробишь его до поры...
Видишь, степь затуманена ртутью
Сатанеющей с мая жары.

Ах, казашка, цветочек раскосый!
На неделю забыв институт,
Амазонкою сорокакосой
Ворвалась ты в родительский кут.
И пред тем, как скакать оголтело,
Перед тем, как взметнуться в седло,
Ты фамильную кофту надела –
Ту, что тёмным звенит серебром.
...До луны по чабанным угожьям,
Выстилаясь, носил тебя конь,
Накаталась. Бросаешь поводья
И бежишь на негромкий огонь.
Мать от радости чашки роняет...
Ты ж, смеясь, упрекаешь её,
Что кумысом и дымом воняют
И она, и отец, и жильё.
И, потрянув перламутровой сумкой,
Принялась, мельтеша, как лиса,
По углам, по ковровым рисункам
Дорогие духи растрясать.

Сиротели лепёшки на блюде,
Чай лениво дымился, как ночь...
И смотрели притихшие люди
На свою незнакомую дочь.

БОЛЬНОЕ УГАСАНИЕ ДНЯ

Чёрное поле, багровый закат –
На горизонте – полсолнца!..
Красный, игрушечный издалека,
Конь у заката пасётся.
Он из последних в забытом краю,
Как и последние избы, –
Кто поразъехались, кто-то в раю,
Кто б помолился за них бы...

То не холера прошлась, не война,
Разных властей то суЕты.
Бог! Чёрно-красной висит тишина –
Как допустил ты всё это?..

Чёрное поле – не пашня весной –
Мёртвое, бывшее поле.
Пламя в полнеба – не лава, не зной –
Знак вековечной юдоли.
В чёрном и красном – своя красота,
Если отдельно, не целым.
Их сочетание – смерти цвета,
Коль застелить ещё белым.

...Луч на прощанье спустился на лес,
Сделал кровавыми кроны.
Конь одинокий куда-то исчез.
Каркнула в дебрях ворона.
Вот и погасло... Ушло в черноту.
Звёзд разглядеть невозможно.
Кто-то мохнатый ступил за черту...
Тяжко. Безмолвно. Тревожно...

* * *

Наевшись жизни оголтелой,
Устав сражаться в темноте,
Устав метаться в тесноте,
Душа донашивает тело,
Уже готовая взлететь.
Уже ей чужды мир жестокий
И агрессивная среда.
Покинув землю навсегда,
К своим таинственным истокам,
К мирам ли грозным и далёким –
Взлетит куда?..

* * *

Пройдя сомненья, прегрешенья, –
Обрести уверенность в себе!
Высокий миг преображенья
Начертан каждому в судьбе.
Отныне юным и свободным
Могу парить над суетой –
Сквозь иней вспыхнул мне сегодня
Лучистый крестик золотой.
Пред вечной тайной замирая,
Его ношу я на груди.
Луга забвенья, жизнь вторая –
Так что же, что там впереди?

